

— Пошли, — бросил незнакомец.

Он запустил руку под лохмотья и вытащил оттуда объёмистый свёрток ткани. Горб на его спине оказался фальшивкой: мужчина распрямился, перестал прихрамывать и в мгновение ока превратился в рослого, широкоплечего воина.

Ли Мэн уставился на него во все глаза, не смея даже моргнуть.

Однако незнакомец и не думал снимать маску.

— Ты ещё кто такой? И где дядя Бай?

Ли Мэн не на шутку разволновался. Дядя Бай когда-то числился среди первоклассных убийц Башни Десяти Направлений, и даже на старости лет его боевые навыки едва ли сильно увяли. К тому же мгновением ранее Ли Мэн ощутил странную, непреодолимую силу, которая буквально притянула его к незнакомцу, позволив тому без труда схватить его за шиворот. Этот таинственный приём отдавал откровенной чертовщиной.

— Вообще-то я как раз собирался отправить тебя к нему на встречу, — зловеще процедил тот.

— Нет-нет, спасибо, как-нибудь в другой раз! — поспешно замахал руками Ли Мэн. — Нам... нам сюда.

Он выскочил из крытой галереи и свернул на тропинку, ведущую в сад.

— Потихе, — тяжёлая, словно налитая свинцом ладонь мёртвой хваткой вцепилась в загривок юноши, заставив его сбавить шаг.

Ли Мэн обиженно забормотал под нос:

— Я ведь и сам не знаю, на месте ли старший брат. Если мы никого не найдём...

— У тебя на физиономии такие зоркие глаза. Если никого не найдёшь, значит, они тебе без надобности. Могу и выколоть, — ледяной голос незнакомца не оставлял сомнений в серьёзности угрозы.

Ли Мэн удручённо вздохнул, то сжимая пальцы в кулаки, то бессильно их разжимая.

Ощущать упирающееся в спину остриё ножен было крайне неприятно, и юноша решил пока отказаться от идеи действовать напролом. Странно другое: куда подевались все люди из Башни Десяти Направлений? Они шли уже довольно долго, но кругом не было ни души.

Похититель хранил молчание. Ли Мэн тоже помалкивал, боясь неосторожным словом навлечь на себя беду. Сейчас главным было тянуть время и ждать возвращения Чжао Лои. Самым безопасным местом казался Двор северного спокойствия — там сейчас укрывались Цюй Линьхань и трое его шишу. И пускай Ли Мэн видел в деле только Хо Ляньюня, втроём они уж точно сумеют скрутить этого проходимца. Но почему тот так настойчиво ищет именно Чжао Лои?

Вспомнив странный приём, которым его притянули, Ли Мэн не выдержал:

— Ты ведь из Наньмэй, верно?

В спину тут же ткнули с такой силой, что у Ли Мэна едва позвоночник наружу не вылез. Парень понял: угадал.

— Нет, — сухо отрезал незнакомец.

— А откуда тогда? Я вот, к примеру, всё детство в Жуйчжоу провёл.

Тут незнакомец проигнорировал вопрос. Стоило Ли Мэну поднять руку, чтобы потереть ушибленную спину, как его запястье мгновенно перехватили и вывернули назад с такой силой, что кости жалобно хрустнули. Юноша взвыл от боли и больше не пытался делать лишних движений.

Чем ближе они подходили к возвышающемуся впереди павильону, тем быстрее шагал Ли Мэн, опасаясь, как бы конвоир не передумал. Наконец они миновали ворота Двора северного спокойствия. Перед ними раскинулся просторный плац для тренировок, посреди которого сиротливо торчали тренировочные столбы и деревянные манекены для отработки ударов.

— И где твой старший брат? — прищурился незнакомец, ощутимо надавив холодным концом ножен на горло Ли Мэна.

— Да здесь он, точно здесь! Наверное, прячется где-то. Наставник ведь предупреждал, что сегодня в Башне намечается заваруха, — испуганно забормотал Ли Мэн, затравленно озираясь по сторонам.

Мужчина на мгновение задумался, а затем грубо толкнул парня в спину:

— Ступай на середину двора. И погромче зови его по имени.

В душе Ли Мэна вспыхнула дикая радость. Вспотевшие от волнения ладони так и чесались, но он изо всех сил подавлял безумное желание со всех ног броситься к центру площадки и заорать во всю глотку. Он заставил себя идти размеренным, спокойным шагом.

— Стоять! — вдруг раздался негромкий окрик за спиной.

Ли Мэн замер как вкопанный, медленно повернулся и с крайней осторожностью спросил:

— Что такое?

— Это Двор северного спокойствия.

Из недавнего разговора парень понял одну важную вещь: незнакомец ориентировался в Башне Десяти Направлений из рук вон плохо. За всё время он назвал лишь Утёс Разрубленного Дракона, зная, что там находится усыпальница, обустроенная Вэнь Сюем. В остальном же он просто повторял за Ли Мэном имена и названия. Раскусив это, юноша умышленно не стал уточнять, где именно скрывается Цюй Линьхань, а просто без лишних слов повёл врага за собой.

Мимолётное замешательство Ли Мэна не укрылось от взгляда похитителя. Его зрачки расширились, а он усмехнулся.

— Ну же, зови его! — прищурившись, поторопил он.

Ли Мэн нерешительно сделал пару шагов и обернулся. В то же мгновение рука незнакомца неуловимо шевельнулась, полоснув по воздуху холодной стальной искрой.

Всё произошло во вспышке ока. Правое ухо пронзила резкая боль. Дрожащими пальцами Ли Мэн коснулся раковины и уставился на испачканную в алой крови ладонь. До него наконец дошло: если этот человек захочет забрать его жизнь, то сделает это играючи. Любые уловки и колебания были бесполезны.

Смирившись, парень понуро поплёлся к самому центру плаца. Мысленно умоляя шишу прийти на помощь и разделаться с ублюдком, он негромко позвал:

— Старший брат... Цюй Линьхань!

Густая, удушливая тьма и мёртвая тишина безжалостно давили со всех сторон. Огромный тренировочный плац Двора северного спокойствия, где Ли Мэну раньше бывать не приходилось, сейчас казался бескрайним и пугающим. Ни души вокруг.

Юноша набрал в грудь воздуха и крикнул во весь голос:

— Цюй Линьхань! Брат! Где ты?!

Незнакомец тем временем скользнул назад, растворившись в густых тенях галереи. Щурясь, он молча наблюдал за тем, как Ли Мэн растерянно топчется на месте, очевидно, и сам не понимая, куда подевался его названный брат.

Прокричав ещё пару раз, Ли Мэн обернулся и застыл от изумления. Под навесом у входа, где только что стоял похититель, было пусто. Тот исчез бесследно, словно растворился в воздухе.

— А-а-а-а! — истошно завопил Ли Мэн, когда чья-то тяжёлая рука внезапно опустилась ему на плечо.

— Чего орёшь?! — раздался над ухом недовольный бас Цюй Линьхана.

Они с секунду глупо хлопали глазами, уставившись друг на друга. Ли Мэн поспешно огляделся. Похитителя у ворот не было. Он торопливо пробежался взглядом по галереям двухъярусного двора, но так и не заметил ни единого намёка на чужое присутствие.

— Меня... меня только что схватили, — тяжело дыша, пробормотал Ли Мэн.

Облегчение смешалось с новой волной тревоги. Он опасливо покосился на фигурные коньки крыши и спросил:

— А где наши шишу?

— Спрятались в доме, сонные уже все, — Цюй Линьхань потянул младшего за рукав.

Они торопливо зашагали к дверям. Ли Мэн на ходу продолжал вертеть головой, вглядываясь во тьму. Наверху в четыре ряда покачивались тусклые фонари, их слабого света хватало лишь на то, чтобы едва разглядеть очертания галерей.

— Наставник... он пытается выиграть время и вырваться.

Заметив, что названного брата всё ещё колотит от страха, Цюй Линьхань тоже бдительно оглядел плац.

— Пошли скорее, нет тут никого. Ты чего, спишь на ходу?

— Сам ты спишь! — огрызнулся Ли Мэн. Слегка подумав, он наклонил голову к плечу старшего и указал на порез: — Тот тип угрожал мне. Смотри, ухо до крови полоснул.

Цюй Линьхань нахмурился, разглядывая рану. На его лице отразилось мрачное удивление, и он, не проронив больше ни слова, увлёк Ли Мэна за собой.

Они скользнули в тёмную комнату. Глаза Ли Мэна уже привыкли к полумраку, и он без труда смог сориентироваться.

В глубине помещения угадывались силуэты пяти человек. По очертаниям фигур парень сразу узнал Хо Ляньюня и Сюэ Фэна. А вот Таоте и Таоу среди них не оказалось. Из оставшейся троицы — рядовых бойцов Башни — Ли Мэн мельком видел каждого, но имя знала лишь одна. Это была Хуа Нин — сухопарая, неприметная женщина, чьё присутствие обычно едва замечали. Из двух других один усердно полировал лезвие широкого тесака, а второй безучастно сидел на табурете, уставившись в стену.

Атмосфера в комнате была тяжёлой, давящей. Цюй Линьхань отвёл младшего в угол, и оба уселись на пол, привалившись спинами к массивной ножке стола.

Внезапно Ли Мэн почувствовал, как в ладонь ему ткнулось что-то холодное и угловатое. Не делая резких движений, он ощупал деревянную рукоять и спусковой механизм. Судя по всему, это был заряженный самострел.

Следом Цюй Линьхань вложил ему во вторую руку «Медвежью лапу» — грозное оружие, которое Чжао Лои строго-настрого запретил Ли Мэну использовать. Встретившись с умоляющим, полным тревоги взглядом брата, парень колебался, но возвращать опасную игрушку не стал, а просто незаметно заткнул её за пояс.

Хо Ляньюнь замер у самого входа. Тусклый свет, сочившийся сквозь бумажные переплёты окон, очерчивал его безупречный профиль и ровную переносицу. Прижавшись ухом к створке двери, он некоторое время прислушивался к звукам снаружи, а затем негромко спросил:

— Где Цюнцзи?

Все взгляды тут же скрестились на Ли Мэне. Смутившись, он зашептал:

— Тот старик Чай, что прибыл из Линьчжоу, требовал, чтобы наставник пошёл с ними к их главарю. Они даже притащили с собой этого великого героя Каня. Но прямо посреди разговора какой-то парень по имени Тан Сюй устроил засаду на крыше и начал пускать стрелы. Всё их построение полетело к чертям. Наставник велел мне уходить и пообещал, что скоро вернётся.

— Скоро? — раздался ядовитый смешок.

Высказался тот самый долговязый боец с ввалившимися щеками, болезненным видом напоминавший чахоточного. Поведя затекшей правой ногой, он бесцеремонно опустил ладонь на плечо Хо Ляньюня:

— Языком молоть — не мешки ворочать. Вы четверо — личные ученики главы, и мы обязаны подчиняться. Но и в тёмную нас использовать не надо. Насколько я помню, Чай Цзинь когда-то

был для Цюнцзи едва ли не вторым учителем. Уж не семейные ли это ваши разборки? Этот ваш Цюнцзи — не человек. Он дикий волк, причём бешеный.

— И к тому же тварь неблагодарная, —插入了 своим вкрадчивым, гибким голосом Хуа Нин.

— А наш многоуважаемый глава Башни вообще в курсе этой вылазки? — раздался хриплый голос из тёмного угла.

Свет от полируемого лезвия выхватил испитое, желтушное лицо говорившего. Прядь сальных волос падала ему на лоб, прикрывая половину физиономии, отчего весь его облик казался по-настоящему жутким.

Хо Ляньюнь недовольно поморщился.

— Они продались Павильону Сулинь! — выпалил Ли Мэн, его голос задрожал от волнения.

В комнате на мгновение повисла тишина, которую тут же нарушил пренебрежительный смешок долговязого:

— Щенок желторотый, ты хоть понимаешь, что такое Павильон Сулинь?

Ли Мэна так и подбросило от обиды. Он упрямо вскинул подбородок и заговорил злым, окрепшим голосом:

— А то я дурак! Это тайная канцелярия двора. Грязное корыто, где обстригают дела, о которых вслух говорить не принято. Они устраняют тех, кого сам император не может казнить прилюдно.

— Кое-что соображаешь, — хмыкнул чахоточный. — Но известно ли тебе, малец, что Павильон Сулинь и наша Башня Десяти Направлений растут из одного корня? Просто одни служат трону, а другие гуляют сами по себе. Две столь грозные силы предпочитают не пересекаться без крайней нужды, соблюдая негласное перемирие. Да и подумай головой: сулиньские ищейки никогда не станут доверять перебежчикам из Башни. Нас там пустят в расход при первой же возможности. Уж лучше промышлять в одиночку на тракте, чем соваться в эту чиновничью петлю.

Мужчина, точивший клинок, с силой вогнал его в ножны и с кряхтением поднялся на ноги.

— Тьфу, комедия какая-то, — раздражённо бросил он. — Я ухожу.

В тесном полумраке комнаты мгновенно разлилась волна такой удушливой, леденящей ярости, что у всех присутствующих невольно загоривки встали дыбом.

— Ждём ещё час, — не терпящим возражений тоном отчеканил Хо Ляньюнь.

Ли Мэн физически ощущал витавшее в воздухе недовольство. Сквозь сквозящие в словах бойцов презрение и страх перед Чжао Лои проступало нечто куда более глубокое. Парень начал смутно догадываться, что дело здесь не в банальной неприязни к угрюмому нраву наставника. Они раз за разом, прямо или обиняками, возвращались к одной и той же старой истории — слухам о том, что Чжао Лои лишил жизни собственную мать. Вот что на самом деле внушало им первобытный ужас.

«Но с какой стати ему убивать родную мать?» — Ли Мэн мысленно помотал головой, отгоняя нелепые домыслы.

В конце концов, покойный Вэнь Сюй был без памяти влюблён в Чёрный Пион. Если бы Чжао Лои действительно приложил руку к её гибели, старик ни за что не оставил бы его в живых и уж точно не позволил бы крутиться у себя под носом. Он бы лично придушил паршивца ещё в колыбели, задолго до того, как тот обрёл своё нынешнее грозное величие.

Заметив, что Ли Мэн совсем сжался, уткнувшись носом в колени, Цюй Линьхань ободряюще положил руку ему на плечо, собираясь сказать пару тёплых слов.

В этот момент снаружи, на тренировочном плацу, послышался глухой гул голосов.

Хо Ляньюнь прильнул к щели в приоткрытой двери. Все разговоры в комнате мгновенно стихли, уступая место звенящему, осязаемому напряжению.

Во двор, разгоняя ночную тьму, бурным потоком хлынула толпа с факелами. Пламя заметалось по стенам. Внезапно тишину разорвал яростный крик:

— Отпусти дядю Чая, Чжао Лои! Предупреждаю: если с его головы упадёт хоть один волос, мы все ляжем костью, но заставим тебя харкать кровью!

Крепкий мужчина средних лет с суровым лицом остановился в нескольких шагах от Чжао Лои. Задрав голову, он закричал в сторону жилых покоев верхнего яруса:

— Глава! Старший наставник! Не взыщите за дерзость, но ваш дражайший ученик, уверовав в собственную непобедимость, решил перекрыть нам кислород и лишить куска хлеба! Кто правит Башней Десяти Направлений — вы или этот выскочка? Мы требуем ответа прямо сейчас!

Пока смутьян сотрясал воздух криками, несколько человек из его окружения бесшумно взмыли в воздух, целясь на галерею второго этажа.

Но не успели они коснуться перил, как весь Двор северного спокойствия озарился ярким светом сотен бумажных фонарей. Их держали молодые ученики, бесшумно окружившие плац.

В ту же секунду толпа у южных каменных ворот расступилась, пропуская одного-единственного человека. Лицо крикуна мгновенно побелело.

По двору разнёсся жалобный, истошный стон Чай Цзиня — тот кричал и охал без умолку.

— Цюнци! Немедленно отпусти дядю Чая! — выкрикнул один из бунтовщиков, испуганно косясь на преградившего им путь великана Таоте, который, судя по всему, ждал этого момента уже давно.

Таоте молча повёл широкими плечами, сложил руки в приветственном жесте и едва заметным движением головы указал себе за спину.

Из темноты позади него один за другим вышли более двух десятков верных бойцов. Мгновенно перегруппировавшись, они взяли незваных гостей в кольцо, отрезая все пути к отступлению.

Вдруг вперед выскочил Чжу Тянь. Он вцепился в руку одной из женщин в толпе мятежников и устоялся на неё, словно не веря собственному зрению.

Судья Жёлтых источников нахмурился, его растерянный и полный подозрения взгляд метнулся к Чай Цзиню.

Сам Чай Цзинь был бледен как смерть. Ноги его не держали, и он безжизненной куклой болтался в воздухе — Чжао Лои держал его за загривок, словно нашкодившего щенка.

— Дядя Чай! Что всё это значит? — закричала женщина в чёрном одеянии, порываясь броситься вперёд, но тут же испуганно отшатнулась от Чжао Лои и нервно взмахнула клинком.
— Цюнци их не убивал! Вы же божились, что он вырезал всех до единого!

— Я... я... — Чай Цзинь попытался что-то выдать, но колени его подкосились.

Чжао Лои брезгливо разжал пальцы. Старик мешком рухнул на колени прямо перед толпой и, размазывая по лицу грязные слёзы, завывал:

— У меня не было выбора! Меня заставили!..